DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.08

УДК 028.01(47+57)

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ В ПРОСТРАНСТВЕ ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-ПАМЯТИ

Е.В. Матвеев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 17 апреля 2019 г.
Принята: 10 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

книголюбцы, поздний советский период, массовые добровольные организации, советское чтение, культура чтения, дефицит, коммуникативная память, интернет-воспоминания, исследования памяти.

АННОТАЦИЯ

Всесоюзное добровольное общество любителей книги (1974–1992) – одна из самых массовых позднесоветских организаций: к концу 1980-х годов ее участниками являлось почти 20 миллионов человек. Подобные масштабные инициативы, как правило, оставляют след в коллективной памяти. Данное исследование основывается на понимании Я. Ассманом сложности феномена памяти, на идее коммуникативной памяти как пространства мемориальных образов, принадлежащих определенному поколению. Коммуникативная память позволяет увидеть, каким образом «большие» государственные начинания воспринимались «маленьким» советским человеком.

Цифровизация «памяти» стала одним из факторов современного тотального мемориального бума, однако поиск в интернете показал, что воспоминания о деятельности организации книголюбцев мало представлены в пространстве виртуальной коммуникативной памяти. Здесь предпринимается попытка ответить на вопрос, почему деятельность любителей книги остается местом умолчания. Анализ упоминаний об организации книголюбцев в социальных сетях в сопоставлении с материалами устных интервью, данными социологии, литературы и архивными источниками позволит охарактеризовать позднесоветскую читательскую сферу и режим сосуществования разных форматов коммуникативной памяти об обществе книголюбцев.

Интернет-пользователи запомнили организацию любителей книги в трех контекстах позднего советского времени: книжного дефицита, членства в массовых обществах и читательских сообществах. Другие источники существенно дополняют эту картину. В онлайн-воспоминаниях массовая организация книголюбцев упоминается редко, поскольку реалии движения книголюбцев смешиваются с другими элементами позднесоветской читательской культуры и потребления. В этом заключается уязвимость современного тотального мемориального бума: активное, но менее информированное меньшинство задает репертуар для коллективного припоминания, в то время как многие носители опыта молчат и не оставляют своих комментариев.

© ПНИПУ

THE ALL-UNION SOCIETY OF BOOKLOVERS IN THE FIELD OF ONLINE- AND OFFLINE-MEMORY

Eugeniy V. Matveev

Perm State University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 17 April 2019
Accepted: 10 September 2019
Published: 04 October 2019

Keywords:

booklovers, the late Soviet period, mass voluntary organizations, the soviet reading, reading culture, deficit, communicative memory, Internet memories, memory studies

ABSTRACT

The All-Union Voluntary Society of Book Lovers (1974-1992) was a mass organization of the late Soviet period. The number of members approached 20 million people in the late 1980s. Such large-scale initiatives, as a rule, leave a mark in the space of collective memory. This research is based on the concept of communicative memory, which was developed by researcher J. Assman. This kind of memory includes memorial images of everyday life which belong to a certain generation. A reliance on communicative memory makes it possible to see how a "small" Soviet person perceived "big" state projects.

The digitalization of memory has become one of the factors of the modern total memorial boom. An Internet search has shown that there is no noticeable trace of the organization of booklovers in the virtual communicative collective memory space. In this article it has been made an attempt to answer the question: why is the activity of booklovers remains a place of silence? The analysis of references to the organization of booklovers, as well as their comparison with oral interviews, the achievements of the sociology, of literature and archival data, allows us to evaluate the perception of the Society by ordinary participants / witnesses, to characterize the late Soviet reading sphere, and also to clarify the mode of coexistence of various formats of communicative collective memory today.

Internet users have remembered the organization of book lovers in three contexts of the late Soviet period: the book deficit, the experience of membership in mass societies, and the reading community. Comments from participants in oral interviews, along with the data from the archives, substantially complemented this picture. The analysis of the Society's memorial trace shows that mass organization is rarely mentioned openly in the Internet due to the mixing of the agenda of the booklovers movement with other elements of the late Soviet reading culture and the consumer sphere. This is the vulnerability of the modern total memorial boom: the active but less informed minority sets the repertoire for collective memory while many experiencers are silent and do not write their comments.

© PNRPU

Всесоюзное добровольное общество любителей книги (далее – ВОК, Общество) – массовая советская организация, которая была создана в октябре 1974 года. Благодаря поддержке государства и интересу со стороны граждан к концу 1975 года в 660 городах и 3000 районах появились 46800 ячеек ВОК. Общество объединяло в этот момент 1,9 млн индивидуальных и больше 20 тысяч коллективных членов [1, с. 29]. К концу 1980-х официальное число участников движения достигло рекордного показателя – почти 20 миллионов человек.

Общество, по мысли устроителей, должно было «содействовать улучшению пропаганды книги, более активному ее использованию в коммунистическом воспитании трудящихся» [2, с. 108]. Организация стала частью читательской культуры позднего советского общества, играла просветительскую роль, была пространством досуга, а также одним из каналов распределения книжного дефицита.

Масштабные государственные инициативы, направленные на социальную мобилизацию, как правило, оставляют след в коллективной памяти. Данное исследование основывается на понимании сложности феномена памяти в версии Я. Ассмана. Опираясь на разработки М. Хальбвакса, он выделял два вида памяти: культурную и коммуникативную. Первая формирует идентичность социума и сосредоточена на определенных символических событиях в прошлом через особых посредников – учителей, писателей, науку и т.д. Объекты культурной памяти становятся предметом мифологизации, объективации. Носители такой памяти могут быть отделены от событий прошлого десятками и сотнями лет. Коммуникативная же память привязана к поколению.

Она включает в себя мемориальные образы повседневности во всем ее многообразии, «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [3, с. 51].

Опора на память поколения позволяет посмотреть на Общество любителей книги с точки зрения повседневного опыта. Следы такого рода памяти отражены в источниках личного происхождения. Они показывают, какие форматы и практики участия в деятельности ВОК устраивали граждан, а какие они отвергали, каким образом «большие» политико-идеологические проекты советской власти апроприировались «маленьким» советским человеком.

Всесоюзное общество книголюбов прекратило существование в январе 1992 года. Мероприятия и инициативы организации – правопреемницы ВОК – Международного союза книголюбов – были лишены прежней претензии на массовость. В начале 1990-х годов многомиллионное движение распалось на множество региональных и республиканских организаций и официально прекратило существование. Отсутствие прежней поддержки от государства, крах идеологической основы деятельности, проблемы с перерегистрацией, кардинальное изменение книжного рынка привели к ликвидации многих местных обществ в конце XX столетия. За 1990-е годы лишь немногие осколки ВОК в нескольких регионах России адаптировались к новым условиям. Эти организации сегодня включены в некоммерческий сектор, занимаются просветительской работой, продвигают произведения местных писателей и т.д.

Потеряв формальный статус членов Общества книголюбов, многие из его участников оставались читателями и включились в книжный бум начала – середины 1990-х годов. Позже, с наступлением всеобщей цифровизации, часть бывших «аналоговых» участников ВОК стала интернет-неофитами и попала под влияние всеобщей «медиатизации общества», спровоцировавшей «медиатизацию памяти» – «виртуализацию социального механизма запоминания / забвения, разнообразие форм репрезентации прошлого в пространстве повседневности, транслируемых в медиасреде» [4]. Такая диджитализация повседневности является одновременно и фактором, и инструментом тотального мемориального бума [5].

Ставя вопрос о мемориальных образах Общества книголюбов в современной России, важно отметить, что деятельность ВОК изучена недостаточно. На данный момент существует лишь одна обобщающая работа [1], подготовленная одним из руководителей движения Г.Ф. Гариным в канун IV съезда ВОК в 1989 году. В этой достаточно информативной книге тем не менее не отражено многообразие региональных и локальных книголюбских практик. Сегодня к истории Общества обращаются редкие представители профессионального сообщества историков. Позитивным примером на этом фоне являются публикации историка С.Ф. Бородуллиной. В своих работах [6, 7] она подробно рассматривает деятельность Удмуртской добровольной организации книголюбов, проводит параллели с деятельностью других массовых обществ в других регионах РСФСР.

Общество книголюбов как массовая добровольная общественная организация позднего советского периода ранее уже становилась предметом рассмотрения [8].

Историография о позднесоветских читательских практиках, представленная работами Л. Гудкова и Б. Дубина [10], Е. Добренко [11], С. Ловелла [12], достаточно хорошо разработана и позволяет реконструировать основные принципы функционирования советского читательского мира в 1970–1980-е годы. Ряд авторов уделяет внимание таким явлениям, как «макулатурный эксперимент» [13].

Общие методологические рамки помогают задать фундаментальные работы – фразы в большом диалоге историков о судьбе советского проекта. Одним из таких высказываний является

труд А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» [14]. В нем на основе анализа авторитетного дискурса 1970–1980-х годов и его влияния на судьбу «последнего советского поколения» А. Юрчак сформулировал несколько важных концептуальных тезисов: о перформативном сдвиге, «сообществах своих», вменяемости, «нормальных» советских людях. Эти характеристики позднесоветской повседневности позволяли большинству граждан СССР быть вне конфликта с режимом, сосуществовать с ним.

В целом исследования организации книголюбов могут разворачиваться на пересечении нескольких направлений. Одним из них является анализ институциональных аспектов, однако ускользают от внимания истории и нарративы в редакции «простого» человека. Отсутствие глубокого внимания историков к опыту его участия в массовых добровольных обществах времен позднего социализма в целом и Всесоюзного общества книголюбов в частности делает обращение к личным мемориальным текстам особенно актуальным.

По словам немецкого историка Йоханнеса Фрида, «без подсказки мы вспомнить не можем» [15]. Советское прошлое и читательская культура как его часть становятся предметом коллективной ностальгии, споров и компромиссов в интернете. Мемориальный образ Общества книголюбов состоит из немногих разрозненных фрагментов: эта организация в пространстве виртуальной коммуникативной памяти еле заметна и обнаруживается в прямой речи пользователей в комментариях и репликах юзеров.

В качестве основных источников выступили припоминания интернет-юзеров крупных коллективных блогов русскоязычного сектора интернета: livejournal.ru, d3.ru, rikabu.ru и др. Выбор данных площадок обусловлен, во-первых, блоговым форматом авторских текстов, публичным характером коммуникации юзеров, во-вторых, высоким уровнем вовлечения участников сообществ в обсуждения, в-третьих, преимущественно некоммерческим характером пользовательского контента, что отличает их от популярных социальных сетей, в-четвертых, долгим сроком существования: от 10 до 20 лет, и большой по численности аудиторией, количеством посещений и просмотров, к примеру, до миллиона уникальных посетителей в месяц на сайте d3.ru. Всего было найдено и проанализировано более пятидесяти припоминаний, связанных с ВОК, в том числе репостов материалов с прочих ресурсов. Их можно разделить на две группы: реплики топикстартеров и ответные комментарии.

Также источниками для исследования стали материалы устных интервью. В отличие от комментариев интернет-пользователей они были получены в ходе намеренного, контролируемого исследователем процесса припоминания. В качестве респондентов выступили бывшие члены ВОК из Перми, Пермского края и других городов России. Всего было опрошено 18 человек. Все интервью были построены на основе списка вопросов, который состоял из трех блоков: 1) Традиции чтения в семье, становление интервьюируемого в качестве читателя, 2) Позднесоветская культура чтения, 3) Членство в ВОК. Устно-исторические источники позволяют в сравнительной перспективе проанализировать мемориальные образы о ВОК в интернете.

В исследовании поставлены следующие вопросы: в каких контекстах пользователи припоминают о ВОК? Какие именно феномены деятельности организации остались в памяти читателей? Наконец, почему память об организации книголюбов остается местом умолчания? Ответы на них позволят не только оценить восприятие Общества рядовыми участниками / свидетелями, но и охарактеризовать позднесоветскую читательскую сферу. Сопоставление цифровых и устных («аналоговых») воспоминаний позволит уточнить режим сосуществования разных форматов коммуникативной памяти. При рассмотрении текстов юзеров и респондентов использовался семантический анализ. Он заключался в выделении основных тексто-

вых фактов, подсчете частотности упоминания тех или иных тем. Еще одним источником стали материалы Всесоюзного общества любителей книги, сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Корпус архивных данных поможет увидеть тематические проблемы в рассматриваемых автонарративах.

Позднесоветская читательская культура

Создание ВОК являлось попыткой государства вмешаться в ситуацию, которая стихийно складывалась в читательской среде с 1950-х годов. Традиционные институты руководства чтением, в первую очередь публичные библиотеки, отступали перед желанием граждан самостоятельно формировать литературный репертуар и собирать книги дома. Это происходило также вследствие слабого комплектования публичных библиотек. Попадавшие туда книги не отличались разнообразием. Средняя библиотека согласно номенклатуре должна была включать 51,5 % художественной литературы (вместе с детской и филологической), 22 % общественно-политической литературы и 26,5 % по другим отраслям знания [17, с. 41]. Книги советских классиков – «Поднятая целина» М.А. Шолохова, «Чапаев» Д.А. Фурманова, «Мать» А.М. Горького были представлены в библиотеках в количестве более 10 экземпляров на произведение, в то время как популярные книги М.А. Булгакова – 0,6 экземпляров, Б.Ш. Окуджавы – 0,2 экземпляра на библиотеку, Г. Маркеса – 0,07 экземпляра на библиотеку [17, с. 41]. Кроме того, не удовлетворялось 45 % запросов на историческую литературу, на литературу по педагогике – 52 %, 55 % – по фантастике, 78 % – психологии [17, с. 43]. Вследствие этого у части читателей, по мнению В.Д. Стельмах, сложился стереотип: «В библиотеке все равно хороших книг не достать» [17, с. 110]. Поэтому советские люди сосредотачивались на сборе книг для своих домашних библиотек. В 1970–1980-е годы объем домашних библиотек активно возрастал и превзошел фонд общественных библиотек, по разным оценкам, от 3 [10, с. 265] до 10 раз: 5 миллиардов против 50 [18].

Сформированный в довоенный период читатель приватизировал чтение. На это влиял ряд факторов: урбанизация, повышение уровня образования и благосостояния граждан, увеличение доли свободного времени у населения и т.д. Чтение все чаще рассматривалось самими гражданами не как деятельность по повышению уровня культуры, а как элемент досуга. Так чтение теряло «нагрузку», связанную со внешней «формовкой» [11] и контролем над советским человеком, становилось неременным атрибутом повседневности позднего социалистического периода.

В результате растущей самостоятельности читателей падал интерес к идеологической литературе, которая расценивалась представителями государства как канал влияния на население. Издания из этой категории все чаще оставались невостребованными на полках книжных магазинов. Кроме того, по категоричному замечанию социолога литературы Б. Дубина, общее качество продукции на выходе часто было настолько низким, что $\frac{3}{4}$ совокупного тиража являлось макулатурой [10, с. 265]. Необходимость реализации данной продукции порождала «нагрузку» – принуждение человека к покупке невостребованных книг.

Советские читатели адаптировались к ограничениям и активно включались в игру по «доставанию» не только продовольственных товаров, одежды и прочего дефицита, но и книг. Ажиотаж вокруг них становился поводом к обоснованию параллельных иерархий и практик распределения, особых условий бытования литературы: черному рынку, блату, самиздату, воровству книг из публичных библиотек, появлению объединений читателей. Последние стали распространяться в 1960-х годах во многих городах. Часто с инициативой создания выступали представители прежде автономного сообщества библиофилов: в Воронеже это был О.Г. Ласунский, в Кирове – Е.Д. Петряев, в Одессе – И.Л. Дайлис, в Ульяновске – Н.И. Яценко и др.

К середине 1970-х годов по всей стране насчитывалось около 400 клубов читателей [1, с. 19]. Среди них стали выделяться особые направления – клубы любителей фантастики, поклонники миниатюрной книги, экслибристы и т.д. Все эти объединения были автоматическим включены в состав Общества в год его образования.

Воспоминания пользователей интернета о Всесоюзной организации книголюбов

Мемориальный образ ВОК существует в поле популярного осмысления позднесоветской повседневности. Оценке и обсуждению моментов советского прошлого посвящены десятки локальных сообществ, а также сотни постов и тредов на всех рассматриваемых платформах. Анализ комментариев пользователей интернета позволяет выделить несколько сквозных тем, связанных с деятельностью движения книголюбов.

Во-первых, большинство юзеров вспоминают о ВОК в контексте книжного дефицита. Участие в работе организации рассматривалось многими как успешная потребительская тактика. Характерным для данного корпуса текстов является следующее высказывание: «У меня у знакомого в Кишиневе была такая чудовищная (по размерам) библиотека, что для жизни там было отведено не самое почетное из мест. Ответ на вопрос «как?» был до банальности нелеп. Достаточно было записаться в общество любителей книг, платить какие-то совершенно неприлично скромные взносы и получать книги прямо по каталогу издателя» (пользователь Constantine) [19].

Редкие пользователи вдаются в подробности процедуры распределения книг внутри Общества. Как правило, такие комментарии одновременно содержат информацию об изъянах, которые были характерны для ВОК и книготорговой сети, в частности о нагрузке и дефиците: «Особо активным можно было поучаствовать в лотерее, чтобы выиграть книгу. Так я выиграла подписку на 10-томник Диккенса (счастье!), а мой отец – подписку на Мопассана. Общество устраивало встречи с местными писателями – приходилось «в нагрузку» еще и их книги покупать. Но это было меньшее из зол ...» [20]. Говоря о нагрузке, пользователи в редких случаях уточняют, какие книги давали им в дополнение: «В конце 80-х у нас на работе было «Общество книголюбов». Распределяли книги по жребию, а в нагрузку к хорошим книгам всегда всовывали какую-нибудь лабудень. В тот раз были «Унесенные ветром». Книг было штук 5, а желающих в 10 раз больше. В нагрузку к ним было что-то о революции на Кубе <...>» [21].

Нагрузка действительно была распространенным явлением. Книголюбы и контролирующие органы обращали внимание руководства ВОК и правлений Добровольных организаций книголюбов союзных республик, областей и краев на факты продажи непрофильных изданий, печатной продукции вместе с популярной литературой. Случались курьезные случаи. К примеру, члены ячейки ВОК треста «Мосстрой» в 1981 году в нагрузку к трилогии Л.Н. Толстого «Детство, отрочество, Юность» вручили зубную пасту «Жемчуг» [22, с. 65]. Однако нагрузкой не исчерпывалось многообразие практик, связывающих деятельность ВОК с книжным рынком.

В этом контексте один из комментариев содержит информацию о персональном опыте, который устанавливает связь ВОК с прочими альтернативными каналами распределения дефицитной литературы: «Припоминаю, трудился я как-то раз года полтора в «Обществе книголюбов», была такая общественная организация, инструктором по пропаганде книги ... Как-то раз за ударный труд Общество выдало мне 15 экземпляров «Королевы Марго». Вот я прибарахлился на черном рынке хорошими книгами в диапазоне от Шекли до Хлебникова в обмен на «маргушу», как ее называли в народе!» (пользователь щучий_потрох) [23].

Прочие пользователи встраивают участие в ВОК в один ряд с другими практиками приобретения книги: «Например, в нашей семье дефицитные книги появлялись двумя путями – во-первых, отец увлекался обменом книг через общество книголюбов по переписке <...>, а во-вторых, по подписке <...>» (пользователь Dmitrii) [24].

Вторая, менее представительная, группа комментариев связана с воспоминаниями об опыте участия в работе ВОК и других массовых обществах. Юзеры тем самым подчеркивают неизбежность формального участия советского человека в масштабных властных инициативах. Так, одна из пользовательниц писала об организации другого массового движения периода перестройки – Общества борьбы за трезвость: «... очередная решительная борьба с пьянством началась в мае 1985 года. И все мы вступили в «Общество борьбы за трезвость». В обществах «Охраны природы», «Охраны памятников истории», «Изобретателей и рационализаторов», «Научно-техническом», спортивном, ДОСААФ, Красного креста и красного полумесяца, в обществе Дружбы с каким-нибудь народом и «Обществе любителей книги» мы все уже состояли» [25].

Официальная статистика ВОК позволяет объяснить одну из причин представлений современных юзеров о «тотальности» распространения общественных организаций. Стремление к выполнению и превышению плана по численности подводило руководство местных обществ к включению в состав ВОК школьников и студентов. На момент четвертого съезда ВОК (1989) был опубликован следующий расклад по качественному составу членов Общества: 53 % были учащимися общеобразовательных школ и профтехучилищ, 9,5 % – студентами высших учебных заведений и техникумов и только 37 % являлись рабочими, колхозниками и служащими [1, с. 189].

Чаще о членстве в ВОК и прочих массовых обществах вспоминают в связи со взносами. Пользователи воспринимали их как дополнительную финансовую нагрузку и налогообложение. Так, одна из пользовательниц, вспоминая атрибуты жизни в период 1970–1980-х годов, среди прочего упомянула следующее: «Поборы членских взносов в “Общество любителей книги”, “Общество любителей природы”, “ДОСААФ” буквально с первого класса. Давали корочки с фотографией. Я гордилась» (пользователь old_xpen) [26]. Об особенностях вовлечения граждан в добровольные общества также вспоминает пользователь под ником sametger, который использовал более радикальную лексику: «Подскажите, пожалуйста, у всех ли в школах при совке, развитОм были такие обязательные ежегодные поборы: насильственное членство во всяких унылых “обществах”? ... Это только эр-эфия была обязана содержать этих дармоедов? Или у каждой республики были свои аналогичные дармоеды? Общество книголюбов, красного креста и полумесяца, охраны природы, охраны памятников истории и культуры и пр.» [27]. Другой юзер подробно перечислял траты советского работника «министерств и совминов»: «... даже несмотря на такие ставки, человека на подобных должностях все равно обдирали как липку. Для начала... необходимо и достаточно было состоять в членах компартии. А из этого, в свою очередь, следовала партийная пошлина. Не помню точно, сколько это в процентах от зарплаты составляло, но на руки попадало слегка более двухсот. Это была первая ложка. Самая большая. Потом в очереди на плошку стояли профсоюзные ложки, которые откусывали тоже изрядный кус пирога. Дальше шли ложки регалиями поменьше, всякие общества охраны памятников, международный красный крест в прочие разные книголюбы. В итоге после всех оброков и десятин человеку разрешали подумать и о себе, и своих близких, но так, чтобы не зарывался» (пользователь Constantine) [28].

Архивные данные подтверждают эту характеристику мемориального образа ВОК. Так, комиссия Всесоюзного комитета народного контроля, которая провела в 1985 году выборочную проверку 85 первичных и 35 районных организаций ВОК по всей стране, дала следую-

щую характеристику работы Общества на местах: «Деятельность их сводится главным образом к сбору членских взносов и распространению среди уплативших книг повышенного спроса (как правило, с нагрузкой в виде «обязательного ассортимента») [29, л. 23]. Для книголюбов основная претензия была связана с неясным порядком расходования средств от уплаты членских взносов и отсутствием собственных финансов у местных организаций, так как все собранные средства уходили в республиканские бюджеты.

Третий – самый немногочисленный тип комментариев в интернете оставлен активистами, бюрократией ВОК, а также теми, кто мог получать от организации какого-либо рода выгоду. Знание внутренних обстоятельств, «кухни» Общества позволяет данным пользователям оставлять информативные реплики, давать пояснения другим пользователям, говорить о мотивах добровольного вступления в ряды организации. Эти воспоминания дают возможность взглянуть на историю ВОК как на пространство культурного сообщества. Так, пользователь из Кишинева при обсуждении художественного рассказа, где было упомянуто заседание клуба книголюбов, написал следующее: «...у вас еще сохранилось общество книголюбов, а значит, еще не все книголюбы вымерли. У нас все это рухнуло в середине 90-х да так и не восстановилось. Мне 20 лет пришлось возглавлять подобный клуб книголюбов, первый и самый большой в Кишиневе, а потом еще 3 года возглавлял городское об-во книголюбов. Очень многое мне дали эти встречи, именно там я познакомился с несколькими поистине замечательными людьми, которые сумели привить мне вкус к настоящей литературе, отличать чтиво от нетленного и вечного. И там же удалось встретиться с теми людьми, о встрече с которыми и не мечтал. Кто только не побывал в нашем клубе, ведь когда-то в Кишинев приезжали охотно, и любую приезжую знаменитость без труда удавалось уговорить выступить в нашем клубе. Но перечислять не буду, слишком много писателей, поэтов, музыкантов, актеров, ученых и просто людей неординарных побывало у нас в гостях...» (пользователь AlexProdan) [30].

У данной категории пользователей воспоминания о ВОК вызывают ностальгию по советскому прошлому и ценностям своего поколения. Тот же пользователь AlexProdan характерно завершает свой комментарий: «...А потом наступила другая эпоха, книга стала вытесняться на задворки наших потребностей, появились другие заботы, сменились приоритеты. Да и само это читающее поколение фактически вымерло, хотя отдельные динозавры все еще бродят среди нас, но нам до них уже нет дела» [24]. Другой юзер в этой же ветке обсуждений поделился мыслью: «Когда-то в советской школе, был председателем книголюбов. Какие споры были 14 – 16-летних юнцов. Все мечтали о Великой советской... Брали за пример, начиная с Шуммеро-Аккадской литературы и до Западно Европейской. Но за основу брали Русскую классику. Неужели все кануло в лету? Поневоле вспомнишь... СССР» (пользователь Арсен Вишневский) [30].

Тексты интернет-пользователей создают противоречивое представление об организации книголюбов. В них сочетаются негативные и позитивные стороны участия в ее деятельности. Взгляд бывших рядовых членов и наблюдателей-современников выявляет противоречивость восприятия участия в деятельности общества: добровольное и продуктивное против навязанного и бесполезного. К примеру, рекордная численность в 20 миллионов человек к концу 1980-х являлась, среди прочего, результатом борьбы руководства Общества за рост числа членов и как следствие рост индивидуальных взносов в бюджет организации. Такая тенденция не исключала барьеров для вступления в ВОК там, где формальное членство в организации можно было обменять на неформальные преференции (доступ к книжному дефициту и т.д.). Этот набор противоречий можно объяснить эклектичностью самого проекта, а также особен-

ностями формата массовой добровольной организации, высоким уровнем формальной вовлеченности советских граждан в сеть таких обществ в поздний советский период. С другой стороны, многие нюансы в работе ВОК пользователи обходят вниманием: нет упоминания о ритуалах книголюбов, визуальной атрибутике, лекционной программе, культурных практиках, сложившихся на низовом уровне: в первичных ячейках и клубах книголюбов. Все эти аспекты обсуждались с участниками устных интервью.

Всесоюзное общество книголюбов (по материалам устных интервью)

Интервьюируемые, как правило, являлись людьми, сознательно вступившими в ряды Общества либо его активистами, или занимали штатную должность. Поэтому материалы устных исследований представляют более пеструю и детальную картину читательской среды, атмосферы внутри ВОК. Респонденты вспоминают не только о книголюбских практиках, связанных с дефицитом печатной продукции, об элементах формата массовой организации, но и о культурной повестке ВОК, моментах жизни читательского сообщества внутри организации. Соотношение воспоминаний разнится в пользу обсуждения проектов Общества: работы клубов, лекционной программы, читательских конференций и т.д. Это объясняется тем, что интервьюируемые выступали в качестве организаторов мероприятий, а также частично управляемого процесса припоминания – при помощи списка вопросов. В рамках данного исследования мы сконцентрировались на моментах, не учтенных интернет-юзерами: воспоминаниях об обстоятельствах вступления в Общество, его восприятию в качестве клуба читателей, культурной программе и связи ВОК с государством.

Одна из важных характеристик, которая отличает устную офлайн-память от онлайн-припоминаний – это описание первичных ячеек Общества как центров читательского сообщества. Одна из интервьюируемых вспоминала о ВОК так: «Общество книголюбов – это было общество очень интересных людей. <...> Настоящие книголюбы, преподаватели вузов. Как правило, в то же время книголюбов было много в первичных организациях, на заводах – через них люди приходили, общались, создавали тематику» (Лариса К., 1947 г.р. Интервью записано в г. Перми 29.08.2014).

Устные интервью и реплики пользователей свидетельствуют о существовании в ВОК определенной иерархии. С одной стороны, интернет-комментаторы подчеркивают всеобщий характер обществ, подобных ВОК. С другой, большая часть интервьюируемых упоминала об ограничениях, связанных с вступлением в Общество. Это объясняется в первую очередь доступом к распределению дефицита: барьеры снижали число претендентов на блага, которые распределялись по линии Общества, устанавливали стабильный порядок получения заветных изданий в рамках одного рабочего коллектива, ведь, как правило, ячейки Общества создавались на предприятиях, в учреждениях и организациях. Одна из респонденток поведала чуть ли не о подпольном существовании клуба книголюбов у нее на предприятии: «Когда я <...> пришла работать на завод, у нас в отделе увидела, что инженеры как-то откуда-то получают какие-то книжки классические. Стало очень обидно, интересно<...> мне по секрету рассказали, <...>, что вообще-то у нас есть вот такое общество книголюбов. Что, в принципе, если мы туда вступаем – взнос не такой уж большой, и можно будет участвовать в розыгрыше определенных изданий в определенное время, классических. Благодаря именно вот этому клубу у меня появились тогда, помню, первые, скажем так, серийные книжки. Да, там: Салтыков-Щедрин, там Лермонтов, Пушкин. Причем Гюго мне не достался, сразу объясняю: потому что я была молодая. Гюго нужен был главному технологу (смеется). Вот так» (Наталья Г., 1962 г.р. Интервью записано в г. Перми 09.02.2015).

Вместе с тем некоторые интервьюируемые признавали, что количественные показатели были иногда очень важны: «Минусы были. Была борьба за количество человек в организации. Вот это не надо <...> пусть ходят те, кому интересно» (Инф. 8, 1946 г.р. Интервью записано в г. Перми 27.02.2015). Размышляя о барьерах при вступлении в Общество, одна из респонденток ответила, что новых книголюбов «иногда приглашали, членские взносы ведь должны были быть» (А.А., библиотекарь. Интервью записано в г. Перми 07.10.2014).

Другая респондентка соотносила связь продуктивного участия в Обществе с социальным статусом книголюбца, необязательно связанным с чтением: «Туда попробуй – вступи. Они не приветствовали расширения, потому что они подписки хватали! Я знала, что они есть. Ну как туда попадешь? Там свой круг людей, которые собирали библиотеки по блату, были люди вообще, которые не очень читали... В основном, конечно, были те, кто любил книги. Книги были ходовым товаром. ... Например, могли директору обувного предложить вступить в общество книголюбов в обмен на обувь. Мы вам обувь, а вы нам книжки. Директор могла книги любить, а могла и не любить, но просто собирать. Книга – дефицит. Умным быть престижно. Ты мог вообще не читать, но к тебе пришли и увидели полку с книгами. Но в основном читали. 70 на 30» (Ольга К. Интервью записано в г. Соликамске 08.08.2014).

По словам респондентов, события, которые проходили под эгидой ВОК, могли вызвать разную реакцию у граждан. С одной стороны, мероприятия, связанные с культурой, просвещением, чаще были востребованы у потенциальных участников. Типична реплика одной из респонденток, которая вспоминала о приезде известного актера З. Гердта в Пермь: «К нам часто приезжал Зиновий Гердт <...> Он читал лекции <...> во Дворце Ленина. Он читал лекции о Даниле Самойлове, а потом стихи. В общем, вечер поэзии. Замечательный вечер поэзии! Все это было бесплатно, на общественных началах. Представляете, какой там зал во дворце Ленина? Огромный – примерно на 1000 человек. Мы раздали все билеты, можно сказать, путевки – а люди шли со всего города» (Лариса К., 1947 г.р. Интервью записано в г. Перми 29.08.2014).

Интервьюируемые подтверждают статус Общества как канала распределения литературы в условиях дефицита. Они проговаривают условия «общественного договора» в границах Общества: лояльность в обмен на книги. Так, один из информантов описал случай, который был связан с работой одного из клубов книголюбов при книжном магазине в спальном районе города Перми: «Что касается хороших книг, то их было трудно купить. Конечно, они приходили в малом количестве, а директор [книжного магазина, при котором функционировал клуб книголюбов – Е.М.] лично распределял. Но поскольку я там делал обзоры книг, то мы часть этих книг оставляли. И люди приходили на клуб, не для того, чтобы послушать нас, они приходили, потому что после каждого заседания продавали книги хорошие» (Александр Г., 1937 г.р. Интервью записано в г. Перми 25.08.2014).

Тем не менее большая часть респондентов не считает, что миссия организации была связана только с распределением книг. В этом плане типичной является реплика: «В любом случае главной целью ее [организации книголюбов – Е.М.] был разговор о книге, другое дело, что он был чем-то окрашен, но – жизнь такая была, все было определенным образом окрашено, определенным образом же формировалось представление... Это одно из немногих обществ, которое сыграло реально очень позитивную роль» (Е.К. Интервью записано в г. Перми 29.09.2014).

Лакуной онлайн-памяти является и связь ВОК с государством, хотя многие реплики респондентов были связаны с идеологической повесткой организации. Информанты настаивают на компромиссном сосуществовании с идеологией в границах Общества. Так, одна из интервьюируемых дала следующий комментарий: «Идеология сказывалась так или иначе, они все равно бы-

ли обязаны и должны были это делать. Однажды, к примеру, они могли заявить: «Так, все собираемся, Леонид Ильич Брежнев написал книгу «Малая земля». Ее надо было, если сказать современному – “пропиарить”. <...> Да, всем сказали, все встали, построились после работы или в рабочее время, сходили и послушали разбор книги Леонида Ильича или еще что-нибудь такое. А во все остальное время они могли встречаться с писателями и так далее. То есть это не мешало. Скажем так: отдал положенное идеологии государства, а дальше – свободен» (Татьяна К., 1963 г.р. Интервью записано в г. Перми 09.12.2014). Другая интервьюируемая, хоть и признавала идеологический контроль со стороны государства, однако, не замечая роли авторитетного дискурса, ограничивала масштаб его влияния, настаивая на самостоятельности книголюбов: «Идеология вызывает отторжение, когда она навязана. А мы так жили, мы так думали, мы нормально воспринимали, это был образ наших мыслей. <...>Мы знали, что это есть, но ведь мы думали так же, мы с этим были согласны. Чтобы что-то было сверху – нет. Это все-таки общество литературное, по интересам. Туда приходили люди, которые любят книгу. Это было не заседание парткома» (Ирина Г., 1954 г.р. Интервью записано в г. Перми 14.12.2015).

Припоминания респондентов, конечно, касаются гораздо большего количества тем. Они позволяют точнее представить повседневный ход дел в большой организации, увидеть такие детали, которые отсутствуют в официальных отчетах и не представлены в социальных сетях. Более высокий уровень осведомленности о деятельности любителей книги у интервьюируемых, как уже было сказано, объясняется их реальной вовлеченностью в работу Общества. Сколько таких вовлеченных было во всем многомиллионном движении? К примеру, по данным той же Комиссии народного контроля, в 1985 году в Одессе различными активными формами работы – конференциями, диспутами, лекциями было охвачено лишь 3–5 процентов членов Общества [29, л. 12]. Соответственно, те, кто в пространстве интернета вспоминает о взносах прежде / вместо других дел Общества, скорее всего, представляют неактивное большинство членов, которые были включены в ряды ВОК ради показателей и взносов и не смогли воспользоваться выгодами альтернативного канала получения книжного дефицита, творческой площадки, не вошли в привилегированное читательское сообщество.

Вывод

Коммуникативная память поколения, выраженная в персональных комментариях в интернете, представляет организацию любителей книги в трех связанных между собой контекстах позднего советского периода: книжного дефицита, опыта членства в массовых обществах и читательского сообщества. Респонденты, принявшие участие в устном интервьюировании, существенно дополняют эту картину. Вспоминающие реконструируют образ ВОК как дополнительную иерархию распределения книжного дефицита, среду возможностей для пополнения домашней библиотеки, а также площадку для общения с другими читателями. Бывшие члены организации упоминают как о преимуществах такого положения, так и о недостатках, связанных с навязыванием идеологии, покупки книг «в нагрузку» и т.д.

Ограниченный набор официальных проектов и инициатив ВОК, зафиксированный в виртуальной коммуникативной памяти и устных интервью, характеризует место массового добровольного общества в поздней советской читательской среде. Отсутствие широкой дискуссии о движении книголюбов является следствием того, что Общество на деле складывалось из уже существующих практик чтения и потребления. Организация встраивалась в повестку других учреждений и организаций: библиотек, книготоргов, разных добровольных обществ.

Сопоставление стихийной и направленной рефлексии над прошлым демонстрирует уязвимость современного тотального мемориального бума. С одной стороны, диджитализация повседневности позволила проявлять «маленькому» человеку в виртуальном пространстве свою субъектность, в том числе в процессе выстраивания мемориального образа прошлого. С другой стороны, неучастие многих носителей опыта, а также диктуемый активной частью пользователей репертуар воспоминаний оставляют вне границ коммуникативной памяти непопулярные, но масштабные инициативы в деятельности Всероссийского общества книголюбов.

Список литературы

1. Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – 192 с.
2. Учредительный съезд всесоюзного добровольного общества любителей книги: материалы. 3 окт. 1974 г. – М., 1975. – 160 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004. – 368 с.
4. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 363. – С. 68–74.
5. Мороз О. «В онлайн каждый человек осознанно или неосознанно желает максимальной публичности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://republic.ru/posts/92119> (дата обращения: 30.03.2019).
6. Бородулина С.Ф. Деятельность общества любителей книги в условиях перестройки (на материалах Удмуртии) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 17–24.
7. Бородулина С.Ф. Особенности издательской деятельности общества любителей книги в советский период (на примере Удмуртии) // Вестн. Вят. гос. ун-та. – 2016. – № 1. – С. 53–57.
8. Матвеев Е.В. Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980-х годов // Magistra Vitae: электрон. журн. по историческим наукам и археологии. – 2018. – № 1. – С. 85–98.
9. Никонова О.Ю. ОСОАВИАХИМ и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе (1927–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2013. – 469 с.
10. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. – М., 1994. – 352 с.
11. Добренко Е. Формовка советского читателя. – СПб., 1997. – 321 с.
12. Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. – London, 2000. – 215 p.
13. Pristed B.B. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91 // The Russian Review. – 2019. – Vol. 78. – Iss. 1. – P. 122–140.
14. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2014. – 664 с.
15. Фрид Й. Память и историческая наука. Обращение к свидетельствам памяти: историк – о сложных темах профессионализации исторической науки [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/19510> (дата обращения: 03.03.2019).
16. Васюнькин Ю. Спешу, пока горит свеча. – М., 1989. – 127 с.
17. Стельмах В.Д. Книга и чтение в зеркале социологии. – М., 1990. – 208 с.
18. История книги / О.В. Андреева, Л.Л. Волкова, А.А. Говоров [и др.]. – М., 2001. – 400 с.
19. Лучшие истории на тему «Как я тайком читал взрослые книжки» [Электронный ресурс]. – URL: <https://library.d3.ru/luchshie-istorii-na-temu-kak-ia-taikom-chital-vzroslye-knizhki-574805> (дата обращения: 03.03.2019).

20. Книжный бум 90-х годов в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://golos.io/ru--istoriya/@istfak/knizhnyi-bum-90-kh-godov-v-rossii-iz-cikla-istoriya-nashei-zhizni> (дата обращения: 03.03.2019).
21. Рожденные в СССР... (продолжение) [Электронный ресурс]. – URL: <http://wap.frenchbulldog.borda.ru/?1-14-0-00000555-000-10001-0> (дата обращения: 03.03.2019).
22. Письма граждан с предложениями об улучшении работы Общества // ГАРФ Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 431.
23. Спекуляция книгами в СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://experov.d3.ru/spekuliatsiia-knigami-v-sssr-587300/> (дата обращения: 03.03.2019).
24. #216752 (заархивированная ветка форума) [Электронный ресурс]. – URL: <https://d3.ru/216752> (дата обращения: 03.03.2019).
25. Наши (в том числе и мои) желания и возможности в эпоху глубокого застоя [Электронный ресурс]. – URL: <https://historyporn.d3.ru/nashi-v-tom-chisle-i-moi-zhelaniia-i-vozmozhnosti-v-epokhu-glubokogo-zastoia-nedooformleno-712950> (дата обращения: 03.03.2019).
26. Вы родом из 70–80-х, если... [Электронный ресурс]. – URL: <https://d3.ru/8634/> (дата обращения: 03.03.2019).
27. Членские поборы в школах СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yaplakal.com/forum14/topic1535268.html> (дата обращения: 03.03.2019).
28. #328308 (заархивированная ветка форума) [Электронный ресурс]. – URL: <https://d3.ru/328308> (дата обращения: 03.03.2019).
29. Материалы проверки хозяйственной и финансовой деятельности Всесоюзного добровольного общества ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ и Всероссийского хорового общества // ГАРФ Ф. Р-9654. Оп. 1. Д. 8684.
30. Общество книголюбов [Электронный ресурс]. – URL: <http://newsland.com/user/3251047117/content/obshchestvo-knigoliubov/557427> (дата обращения: 03.03.2019).

References

1. Garin G.F. VOK: istoriya, opyt raboty, problem [The All-Union Society of Booklovers: history, experience of work, problems]. Moscow, 1989, 192 p.
2. Uchreditel'nyi s'ezd vsesoiuznogo dobrovol'nogo obshchestva liubitelei knigi: Materialy. 3 oktyabrya 1974 g. [The Constituent congress of the all-union voluntary society of book lovers: Materials. October 3, 1974] Moscow, 1975, 160 p.
3. Assman Ia. Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. The letter, the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, 2004, 368 p.
4. Ageeva G.M. Mediatizatsiia pamiati: memuarnye svidetel'stva v blogakh i social'nykh setiakh [The mediatization of memory: memoirs in blogs and social networks]. *Tomsk State University Bulletin*, 2012, no 363. pp. 68 – 74.
5. Moroz O. «V online kazhdyi chelovek osoznanno ili neosoznanno zhelaet maksimal'noi publichnosti» [Everyone consciously or unknowingly wants maximum publicity in Online], available at: <https://republic.ru/posts/92119> (accessed 30 March 2019).
6. Borodulina S.F. Deiatel'nost' obshchestva liubitelei knigi v usloviakh perestroiki (na materialakh Udmurtii) [The society of book lovers in the conditions of the perestroika period (based on materials of the Udmurt Republic)]. *Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Humanities*. 2015, no 4 (36). pp. 17 – 24
7. Borodulina S.F. Osobennosti izdatel'skoi deiatel'nosti obshchestva liubitelei knigi v sovetskii period (na primere Udmurtii) [Features of publishing activities of the society of book lovers in the Soviet period (on the example of Udmurtia)]. *Bulletin of the Vyatka State University*, 2016, no 1. pp. 53 – 57
8. Matveev E.V. Vsesoiuznoe dobrovol'noe obshchestvo liubitelei knigi kak pozdnesovetskaia massovaia organizatsiia 1970-1980-kh godov [All-Union voluntary society of book lovers as a late Soviet mass organization of the period of 1970s and 1980s]. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archaeology*, 2018, no 1. pp. 85 – 98.
9. Nikonova O.Iu. OSOAVIAKHIM i voenno-patrioticheskoe vospitanie naseleniia v Ural'skom regione (1927–1939 gg.) [OSOAVIAKHIM and military-patriotic education of the population in the Ural region (1927 – 1939)]. Ph. D. thesis. Chelyabinsk, 2013, 469 p.
10. Gudkov L., Dubin B. Literatura kak social'nyi institut [Literature as a social institution]. Moscow, 1994, 352 p.
11. Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatelia [Forming the Soviet reader]. Saint Petersburg, 1997, 321 p.
12. Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. London, 2000, 215 p.
13. Pristed B.B. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91. *The Russian Review*, 2019, Volume 78, Issue1, pp. 120 – 140.
14. Iurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow, 2014, 664 p.

15. Frid J. Pamiat' i istoricheskaja nauka. Obrashchenie k svidetel'stvam pamiati: istorik — o slozhnykh temakh professionalizatsii istoricheskoi nauki [Memory and historical science. Appeal to the testimony of memory: the historian talks about the complex topics of the professionalization of historical science], available at: <http://gefter.ru/archive/19510> (accessed 30 March 2019).
16. Vasiun'kin Iu. Speshi, poka gorit svecha [Hurry up while the candle is burning], Moscow, 1989, 127 p.
17. Stel'makh V.D. Kniga i chtenie v zerkale sotciologii [Book and reading in the mirror of sociology], Moscow, 1990, 208 p.
18. Andreeva O. V., Volkova L. L., Govorov A. A. Istoriia knigi [The history of books], Moscow, 2001, 400 p.
19. Luchshie istorii na temu «Kak ia taikom chital vzroslye knizhki» [The best stories on the topic "How I secretly read adult books"], available at: <https://library.d3.ru/luchshie-istorii-na-temu-kak-ia-taikom-chital-vzroslye-knizhki-574805> (accessed 30 March 2019).
20. Knizhnyi bum 90-kh godov v Rossii [Book boom of the 90s in Russia], available at: <https://golos.io/ru--istoriya/@istfak/knizhnyi-bum-90-kh-godov-v-rossii-iz-cikla-istoriya-nashei-zhizni> (accessed 30 March 2019).
21. Rozhdeniye v SSSR [Born in the USSR], available at: <http://wap.frenchbulldog.borda.ru/?1-14-0-00000555-000-10001-0> (accessed 30 March 2019).
22. Pis'ma grazhdan s predlozheniyami ob uluchshenii raboty Obshchestva [Letters of citizens with proposals for improving the work of the Society], GARF (*Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*), f. R-9650, op. 1, d. 431.
23. Spekuliatsiya knigami v SSSR [Speculation of books in the USSR], available at: <https://experov.d3.ru/spekuliatsiya-knigami-v-sssr-587300/> (accessed 30 March 2019).
24. #216752 (zaarkhivirovannaya vetka foruma), available at: <https://d3.ru/216752> (accessed 30 March 2019)
25. Nashi (v tom chisle i moi) zhelaniya i vozmozhnosti v epokhu glubokogo zastoia [Our (including mine) desires and opportunities in an era of deep stagnation], available at: <https://historyporn.d3.ru/nashi-v-tom-chisle-i-moi-zhelaniya-i-vozmozhnosti-v-epokhu-glubokogo-zastoia-nedooformleno-712950> (accessed 30 March 2019).
26. Vy rodом iz 70-80kh, esli... [You come from 70-80s, if...], available at: <https://d3.ru/8634/> (accessed 30 March 2019)
27. Chlenskie pobory v shkolakh SSSR [Membership fees in USSR schools], available at: <https://www.yaplakal.com/forum14/topic1535268.html> (accessed 30 March 2019).
28. #328308 (zaarkhivirovannaya vetka foruma), available at: <https://d3.ru/328308> (accessed 30 March 2019)
29. Materialy proverki hoziaistvennoi i finansovoi deiatel'nosti Vsesoiuznogo dobrovol'nogo obshchestva LIUBITELEI KNIGI i Vserossiiskogo khorovogo obshchestva [Materials of audit of economic and financial activities of the All-Union Voluntary Society BOOKS LOVERS and the All-Russian Choral Society]. GARF, f. R-9654, op. 1, d. 8684.
30. Obshchestvo knigoliubov [The Society of booklovers], available at: <http://newsland.com/user/3251047117/content/obshchestvo-knigoliubov/557427> (accessed 30 March 2019).